

Ранее император Аньцин щедро осыпал милостями третьего принца, поэтому, если бы сейчас всплыли сведения об отравлении простых жителей, это не только подорвало бы стабильность в государстве, но и нанесло бы урон репутации самого владыки. Чтобы скрыть правду, император Аньцин без колебаний объявил крестьян из тех деревень мятежниками и приказал окружить их, не оставляя в живых ни души. Вслед за этим он издал жесткий указ, строго запрещающий чиновникам и простолюдинам даже заикаться об этом событии. Нарушителей ждала смертная казнь без права на помилование, и лишь такой жестокостью удавалось на корню давить любые слухи.

Позже повсеместно стали вспыхивать народные восстания, и ни одна из бунтующих армий не соглашалась на условия короны. Даже когда Сяо Чжигэ взошел на престол и отправил чиновников для их умиротворения, это не принесло плодов, так что ему пришлось лично вести войска на подавление мятежей, чтобы вернуть в страну мир.

Прежде Ань Чанцин не понимал причин происходящего, но теперь всё встало на свои места. На берегах Сышуй погибло столько невинных душ, что весть об этом неизбежно просочилась наружу. Памятуя о трагедии армии «Байдин», ни один отряд повстанцев больше не смел верить обещаниям властей.

И даже смерть третьего принца, судя по всему, была напрямую связана с прошлым армии «Байдин».

В землях Сышуй одна лишь армия «Байдин» насчитывала почти десять тысяч человек, не говоря уже об окрестных крестьянах. При мысли о столь чудовищном числе погибших Ань Чанцина охватил дрожащий ужас.

Он крепко сжал пальцы — ладони стали влажными от холодного пота. В смятении Ань Чанцин с трудом подбирал слова:

— Столько человеческих жизней... Нельзя же так...

Сяо Чжигэ накрыл его дрожащую ладонь своей и нежно успокоил:

— Не тревожься раньше времени, я что-нибудь придумаю.

Он давно знал, что император Аньцин ни во что не ставит жизни подданных, считая их лишь муравьями под ногами, и понимал, что его третий брат далеко не так душевен и чист, каким старается казаться. И всё же Сяо Чжигэ не предполагал, что они способны на подобное безумие. Однако, если вдуматься, в их поступках не было ничего удивительного.

Третий принц был молод, и для борьбы за престол с наследным принцем ему требовались значительные ратные заслуги. А императора Аньцина всегда волновал лишь он сам, и гибель народа для него — не более чем сухие цифры в отчетах.

Не зная правды, Сяо Чжигэ мог бы оставаться в стороне, но теперь он не имел права закрывать на это глаза.

Будь то армия «Байдин» или армия «Хуандин», в конце концов, все они — подданные Да Е.

Тщательно скрывая мрачный блеск в глазах, Сяо Чжигэ заметил, что Ань Чанцин всё еще потрясен до глубины души. Он мягко привлек его к себе и тихо убаюкивал, пока тот снова не погрузился в сон. Убедившись, что юноша крепко спит, Сяо Чжигэ бесшумно поднялся и в первых лучах рассвета помчался на коне в военный лагерь.

Вести из Ецзина дошли до Яньчжоу лишь спустя несколько дней. По расчетам Сяо Чжигэ, третий принц уже должен был подбираться к Сышуй. Если он хотел спасти крестьян, действовать требовалось без промедления.

Он лично написал два письма: одно предназначалось Шэньту Сюю, другое — главному предводителю армии «Байдин».

В последнее время армия «Байдин» заставила говорить о себе во всеуслышание. Поговаривали, что их главный предводитель — обладающий невиданной силой мясник, который так орудует ножом для разделки туш, что нагоняет страх на любого: убьет хоть человека, хоть демона, встань тот у него на пути. А вот советником у него выступал младший брат — образованный и разумный книжник. Благодаря союзу меча и пера эти братья и смогли разрастить армию «Байдин» почти до десяти тысяч человек.

Запечатав послания сургучом, Сяо Чжигэ вызвал гонца, но в последний момент помедлил, посчитав способ надежным не до конца. Размыслив, он позвал Се Лина. После долгой и тайной беседы Сяо Чжигэ поручил Се Лину лично отправиться в путь в качестве посланца и переговорщика.

Сучжоу граничила с Яньчжоу, и если мчаться во весь опор день и ночь, добраться туда можно было за три дня. Однако обычное письмо вряд ли заставило бы обе стороны проникнуться доверием.

Шэньту Сюй отличался нерешительностью и уступал умом своему отцу, но, к счастью, не отличался и особой смелостью. Благодаря наставлениям Шэньту Бо он относился к воинам и простолюдинам с некой теплотой. Если удастся склонить его к сотрудничеству в качестве тайного союзника, дело значительно упростится.

Куда сложнее дело обстояло с армией «Байдин»: они враждовали с двором так, что искры летели, и даже личное присутствие Се Лина не гарантировало успеха.

Сяо Чжигэ сложил руки за спиной и устремил взор к далеким небесам, тяжело вздохнув. В сложившихся обстоятельствах оставалось лишь сделать всё возможное и уповать на волю судьбы.

Се Лин домчался до Сучжоу за три дня. Первым делом он направился в поместье генерала, чтобы просить о встрече с Шэньту Сюем.

Увидев его, Шэньту Сюй немало удивился. Сучжоу граничила с Яньчжоу, а Яньчжоу держала оборону против бэйдийцев на передовой. К тому же, не имея шкурных интересов, генералы ладили вполне неплохо. Шэньту Сюй тут же пригласил гостя войти.

Поскольку дело не терпело отлагательств, Се Лин не стал тратить время на пустые разговоры. Отослав слуг и охрану, он искренне и подробно передал ему слова Сяо Чжигэ.

Чем дольше Шэньту Сюй слушал, тем мрачнее становилось его лицо:

— Это... А есть ли доказательства? Травить воду с древнейших времен считалось гнусным поступком, порочащим честь воина. Неужели третий принц дойдет до такой низости?

Отравление ядом губит не только вражескую армию, но и ни в чем не повинных жителей

окрестных земель. Любой военачальник, имеющий хоть каплю совести, не стал бы прибегать к подобным низменным уловкам. В прошлых династиях бывали генералы, использовавшие эту хитрость, и пусть они одерживали великие победы, в летописях их имена навеки оказались запятнаны позором.

— Доказательств нет, — искренне ответил Се Лин, — но если все эти опасения ложны, генерал ничего не теряет, а лишь выигрывает. Разве не так?

Смотря собеседнику прямо в глаза, Се Лин продолжал:

— Его Высочество князь направил меня лишь для того, чтобы предостеречь вас. Он не желает, чтобы народ Сучжоу страдал понапрасну. Если третий принц действительно вознамерится воплотить этот замысел, вам, генерал Шэньту, достаточно лишь дожидаться, пока слух о намерении третьего принца отравить Сышуй разлетится вокруг, и убедить его отказаться от этого плана. Вам это ничем не грозит. Если же яд попадет в воду, пострадает не только армия «Байдин», но и все жители близ Сышуй. А насколько мне известно, едва ли не половина ваших воинов родом из Сучжоу. Случись такое — и боевой дух войск рухнет...

Он не окончил мысль, но Шэньту Сюй и без того всё прекрасно понял. Заломив руки за спину, генерал в тревоге зашагал по кабинету и лишь спустя долгое время проговорил:

— Так и быть, на этот раз я поверю тебе. Но как пустить этот слух? И что делать с армией «Байдин»?

— Об уведомлении народа князь уже позаботился, — ответил Се Лин. — Что же до армии «Байдин»... В конце концов, они тоже подданные Да Е. Если бы чиновники уезда Канъюн не довели народ до отчаяния своими поборами, люди не подняли бы бунт. Если вы, генерал, проявите милосердие и вступите с ними в переговоры, ситуация может измениться к лучшему.

Шэньту Сюй вздохнул с тягостной кручиной:

— И что за беда на наши головы?..

Се Лин не стал продолжать споры. Получив согласие, он спешно попрощался и вновь на коне устремился к уезду Канъюн у реки Сышуй. Ему предстояло выполнить еще одну, куда более важную задачу.

От автора:

Сунсун: Сегодня тема немного тяжелая, так что лучше помолчу.

Но-но: Угу.

Покинув поместье генерала Гуйдэ, Се Лин мчался еще полдня, пока не достиг уезда Канъюн.

Сейчас уезд Канъюн был полностью захвачен армией «Байдин». Поскольку он располагался на западе, на границе с Бинчжоу, среди гор и рек, здесь преобладали извилистые тропы. Обычно в уезд вели лишь три официальные дороги, но теперь их перекрыли повстанцы с синими повязками на поясах. Бунтовщики держали в руках кто мотыги, кто топоры... Хотя выглядели они грозно, в глазах Се Лина, годы проведенного на границе в кровавых сражениях с бэйдийцами, эти крестьяне казались совершенно наивными.

Подобная армия, собранная лишь за счет количества, без доспехов и нормального оружия,

опиралась исключительно на отчаянную храбрость. Пытаться противостоять войскам Да Е с такими силами — всё равно что богомолу пытаться остановить повозку.

Неудивительно, что князь решил лично отправить его сюда.

Даже если не брать в расчет отравление, задуманное третьим принцем, прояви Шэньту Сюй хоть немного жестокости и отдай приказ войскам Сучжоу пойти на штурм — и эти мятежники рассыпались бы как песок.

Се Лин натянул поводья на тракте и задумчиво уставился в сторону уезда Канъюн.

Заметив, что всадник не уходит, крепкий стражник с двумя топорами за поясом шагнул вперед:

— Ты кто такой? Убирайся отсюда, здесь проезд запрещен!

Увидев, что человек, хоть и выглядит свирепо, не спешит бросаться с оружием, Се Лин проникся к нему некоторой симпатией. Спрыгнув с коня, он вежливо сложил руки в приветствии:

— Я — Се Лин. Прибыл, чтобы примкнуть к вам, и прошу о встрече с вашим главным предводителем.

Дюжий мужчина подозрительно оглядел его. Заметив, что путник один да к тому же выглядит как утонченный ученый, он помедлил, шепнул пару слов соратнику и обернулся к Се Лину:

— Жди здесь, я пойду доложу предводителю.

Во главе армии «Байдин» стояли два родных брата. Братья с малых лет росли без матери, а когда они немного подросли, тяжело занемог отец — его жизнь держалась лишь на дорогих снадобьях. Старшему брату пришлось пойти в ученики к мяснику, чтобы зарабатывать на жизнь. Младший же брат с детства отличался большим умом: он учился у деревенского книжника и преуспел больше остальных. Так старший продавал мясо, чтобы содержать больного отца и обеспечивать учебу брата.

Казалось, еще немного — и младший сдаст экзамены на чиновничью должность, да и отец пошел на поправку, но тут ударили лютые морозы и разразилось снежное бедствие. Семья с трудом пережила невзгоды, однако уездный начальник прислал слуг со сборщиками, требуя уплатить налог «Фулу», а также выставить от каждого дома по крепкому мужчине на строительство башни.

В этой семье отец был стар и болен, младший брат не имел сил держать ничего тяжелее кисти, и работать мог только старший. Но если бы старший ушел на стройку, семья лишилась бы единственного кормильца.

Не зная, как быть, старик со слезами молил позволить им выплатить больше серебра, лишь бы сына освободили от повинности...